

Т Е Р С К І Й
СБОРНИКЪ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТЕРСКОМУ КАЛЕНДАРЮ НА 1894 ГОДЪ.

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

Изданіе Терскаго областного статистическаго комитета
подъ редакціей секретаря комитета
Г. А. Вертепова.

КНИГА ВТОРАЯ

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Типографія Терскаго Областного Правленія.
1893.

16) «Матеріалы по археології Кавказа, собраные экспедиціею Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, снаряженной на Высочайше дарованныя средства» В. Миллера. Москва 1888 г.

Результатомъ моихъ изслѣдованій былъ мой рефератъ, читанный въ 1891 году въ отдѣленіи этнографіи Императорскаго Московскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи. Предлагаемая здѣсь работа является, такимъ образомъ, развитіемъ упомянутаго реферата, значительно расширеннаго и дополненаго наблюдениями во время вторичной поѣздки къ ингушамъ въ 1892 году.

Б. Далгатъ.

I. Христіанство и магометанство въ Чечнѣ.

Слѣды христіанства у чеченцевъ по преданіямъ, языку и археологическимъ памятникамъ.—Распространеніе магометанства между частью чеченцевъ, исключая ингушей.—Распространеніе христіанства и магометанства среди ингушей.

Прежде чѣмъ приступить къ систематическому очерку первобытной религіи чеченцевъ, необходимо выдѣлить все то, что относится къ позднѣйшимъ наслоеніямъ подъ вліяніемъ христіанства и магометанства. Въ противномъ случаѣ будутъ непонятны многіе обряды и вѣрованія смѣшаннаго характера. Въ виду этого является необходимость прежде всего установить фактъ исповѣданія чеченцами христіанской и магометанской религіи, къ чему мы и приступимъ.

Всѣ авторы, писавшіе о чеченскомъ народѣ, единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что чеченцы въ древности были христіанами. Преданіе, занисанное чеченцемъ Лаудаевымъ и другими авторами, изъ коихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ г. Ахріевъ. какъ природный чеченецъ, гласитъ, что предки современныхъ чеченцевъ были «керестанами». Этимъ именемъ, по словамъ г. Лаудаева, чеченцы называютъ въ настоящее время всѣхъ не-мусульманъ, какъ-то: евреевъ, христіанъ, шитовъ и ламаитовъ, вѣрующихъ въ Бога, но не признающихъ Магомета. Этимъ-же именемъ называютъ чеченцы и язычниковъ, только для отличія ихъ прибавляютъ еще слова «дин-бацу», т. е. «безъ вѣры». Но самое слово «керестанъ» ясно указываетъ на его первоначальное происхожденіе и ближайшее значеніе; оно, очевидно, есть искаженное слово «христіанинъ». Г. Поповъ, хорошій знатокъ Чечни, также сообщаетъ, что всѣ 18 фамилій чеченцевъ, образовавшихъ по выселеніи изъ горъ въ Ичкерію восемнадцать ауловъ, единогласно свидѣтельствуютъ въ своихъ преданіяхъ, что прѣдки ихъ въ мѣстности Нашихэ въ верховьяхъ Аргуна, этой колыбели чеченскаго народа, были христіане.^{*)} Въ одномъ изъ этихъ ауловъ Ичкеріи, а именно Гуни, послѣднимъ принялъ мусульманство одинъ изъ знатнѣйшихъ

---

^{*)} Сб. св. о Кавк. горцахъ, вып. IV.

чеченскихъ тохумовъ (фамилій) не далѣе, какъ въ половинѣ XVIII столѣтія.**)

«Тамъ, въ сторонѣ Башъ-лама, рассказываютъ старики—чеченцы, есть горы, изъ которыхъ вытекаютъ рр. Асса, Фортанга, Геха. Это—горы Аки-ламъ; тамъ живутъ, или по крайней мѣрѣ, жили при нашихъ предкахъ «ламъ-кресты» (горные христіане). Это наша колыбель, какъ и другихъ чеченскихъ родовъ. Смѣнилось четырнадцать поколѣній съ тѣхъ поръ, какъ наша часть «ламъ-крестовъ» вышла изъ своего гнѣзда по причинѣ малоземелья и протянулась на восходѣ солнца. Роды нохчи (чеченцы ѣли тогда свинину и были «русскіе», т. е. христіане.†) Суди по этому преданію, чеченцы въ горахъ были христіанами лѣтъ 400-500 тому назадъ; очевидно они оставались ими и долгое время по выселеніи изъ горъ въ Ичкерію (предгорья) и далѣе на плоскость, пока не стали забывать принесенную ими изъ горъ вѣру и ученіе. По другимъ преданіямъ, въ горахъ жили нѣкогда «джелты», т. е. греки, которые настроили множество церквей, замковъ, башенъ, и ушли, оставивъ большіе клады. Многія чеченскія фамаліи ведутъ свое происхожденіе отъ европейцевъ (фиренги); другіе отъ хевсуръ, третьи отъ грузинъ, четвертые отъ тушинъ и т. д. По этимъ преданіямъ, въ Галгаевскихъ горахъ жилъ нѣкогда христіанскій царь, который оставилъ въ своемъ аулѣ церковь.**)

Старики, которыхъ я разспрашивалъ, также неоднократно подтверждали все вышесказанное.

Къ преданіямъ, конечно, слѣдуетъ относиться съ величайшею осторожностью. Въ нихъ часто событія изъ разныхъ эпохъ бываютъ перемѣшаны и нерѣдко преобладаетъ миѣическій элементъ. Но въ данномъ случаѣ основная мысль чеченскихъ преданій не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ подтверждается въ свою очередь преданіями, записанными въ разныя эпохи, въ различныхъ мѣстностяхъ и различными авторами. Свидѣтельства ихъ пріобрѣтаютъ значеніе несомнѣннаго историческаго факта, когда мы обратимся къ древностямъ, археологическимъ памятникамъ прошлой жизни чеченскаго народа.

Еще знаменитый Гильденштедтъ, труды котораго въ изученіи Кавказа составляютъ цѣлую эпоху, указывалъ со словъ самихъ кистинъ (чеченцевъ) на существованіе христіанской церкви въ горахъ Чечни. Съ тѣхъ поръ всѣ авторы упоминали о различныхъ реальныхъ остаткахъ христіанства въ Чечнѣ, но самыя вѣрныя данныя по этому вопросу мы находимъ въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Экспедиція этого общества, имѣвшая своею непосредственною цѣлью—изысканіе слѣдовъ христіанства въ горной полосѣ Чечни, встрѣчала въ Аргунскомъ округѣ множество каменныхъ крестовъ.

***) Берже. «Чечня и чеченцы», стр. 137.

†) «Тер. Вѣд.» 1870 г. или Сб. св. о Тер. обл. стр. 267 «Землевладѣніе у чеченцевъ» г. Казбека.

***) Сб. св. о кавк. горц., вып. VШ. Ахривъ, стр. 18.

Относительно креста близъ аула Нихалоя существуетъ суевѣріе, что если опрокинуть этотъ крестъ, то переменится погода. На многихъ древнихъ башняхъ въ Галгаѣ (Хамхинскомъ обществѣ) виднѣются высоко, нѣсколько ниже пирамидальныхъ крышъ, фигуры крестовъ, высѣченныхъ въ стѣнахъ. Въ башнѣ аула Хайрахъ замѣчены плиты съ крестами въ двухъ мѣстахъ. В. Миллеръ полагаетъ, что онѣ взяты съ христіанскаго могильника и вдѣланы въ стѣну.

Лучшимъ памятникомъ бывшаго въ Чечнѣ христіанства является церковь «Тхаба-Ерда» (т. е. двѣ тысячи святыхъ или, по другому переводу,—святой двухъ тысячъ), находящаяся въ долинѣ р. Ассы. Объ этой церкви знаютъ всѣ поч-ти чеченцы; о ней писали и Гильденштедтъ, и Палласъ и многіе другіе, но окончательное изслѣдованіе ея выпало на долю профессора В. А. Миллера, во главѣ археологической экспедиціи. По словамъ Гильденштедта и др. авторовъ въ этой церкви хранились священныя иконы и рукописи, а стѣны ея были украшены надписями. Миллеръ уже не засталъ никакихъ книгъ, но часть надписей еще сохранилась и сдѣлалась достояніемъ науки. Первая надпись на камнѣ гласитъ, что церковь построена царемъ Давидомъ (патрономъ) въ округѣ епископа Георгія въ 830 году по Р. Хр. Переводъ сдѣланъ грузинскимъ археологомъ г. Бакрадзе и свидѣтельствуетъ о томъ, что еще въ началѣ IX в. по Р. Хр. грузины распространяли христіанство среди горныхъ чеченцевъ. Преданія какъ осетинъ, такъ и балкарцевъ и чеченцевъ приписываютъ постройку многочисленныхъ церквей по всѣмъ горамъ Кавказскаго хребта именно грузинамъ и приурочиваютъ къ царствованію знаменитой царицы Тамары (царствовавшей съ 1184 по 1212 г.). Должно признать въ этомъ большую долю правды. Конечно, какъ свидѣтельствуетъ надпись, начало появленія христіанства въ Чечнѣ слѣдуетъ отнести къ раннему періоду, но, несомнѣнно, распространеніе его на всю горную Чечню вѣрнѣе всего приурочить къ XI—XII вѣкамъ. Сказанное станетъ для насъ несомнѣннымъ, если обратиться къ исторіи Грузіи. Какъ извѣстно, въ самой Грузіи начало христіанства должно быть отнесено еще къ IV столѣтію, ко временамъ св. Нины. Въ VI в. по Р. Х., во время продолжительныхъ войнъ Юстиніана съ шахомъ Хосроемъ, происходившихъ частью въ предѣлахъ Грузіи, страна эта была уже вполне христіанскою. Историкъ этихъ войнъ Прокопій Кесарійскій говоритъ о предкахъ грузинъ: «иберы—христіане, и лучше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ хранятъ уставы христіанскаго вѣроисповѣданія». Арабское владычество хотя и задержало на время ростъ христіанской культуры въ Грузіи, но съ ослабленіемъ арабовъ и усиленіемъ Византіи въ X вѣкѣ страна эта, подъ мудрымъ правленіемъ царей изъ династіи Багратидовъ, снова усиливается, такъ что X—XII вѣка въ исторіи Грузіи по справедливости могутъ считаться вѣками полного политическаго и военнаго могущества, разцвѣта литературы, искусства

и общественной жизни. Этому золотому вѣку Грузіи положило конецъ нашествіе монголовъ въ началѣ XIII вѣка.

Паденіе Константинополя въ XV столѣтіи лишило Грузію ея культурной сосѣдки и защитницы Византіи, а во второй половинѣ XV столѣтія Грузія расчленилась на три царства и нѣсколько княжествъ. Вмѣстѣ съ политическимъ ослабленіемъ должно было, конечно, пасть и вліяніе Грузіи на горцевъ. Нечего было и думать о распространеніи христіанства внѣ предѣловъ Грузіи, когда турки съ одной стороны, и персы—съ другой, терзали ее самое. Въ XVI в. турки съ успѣхомъ стали распростаанять магометанство изъ Ахалцыха не только среди другихъ племень, населявшихъ Кавказъ, но и среди самихъ грузинъ. Съ этого вре-

ляжки барановъ. Всякій желающій, чтобы за него помолился жрецъ, подходитъ къ нему съ чашей пива; жрецъ беретъ чашу и молится за просящаго.

Празднества въ честь Боламъ-дяла повторялись затѣмъ нѣсколько разъ въ новыхъ мѣстахъ: близъ сел. Таршъ, Арзи, Кель-бижти(?) и, наконецъ, въ мѣстности Махате, гдѣ, между прочимъ, участвующія въ молитвѣ жреца три дѣвушки и шесть женщинъ гадаютъ, бросая чевякъ (башмакъ) правой ногой на воздухъ; если чевякъ упадетъ на землю подошвой вверхъ, то это предвѣщало несчастіе, а внизъ, наоборотъ, счастье. Послѣ гаданія всѣ поднимаются на гору, гдѣ у родника выстроены «эль-гыць» безъ крыши. На этой горѣ, говоритъ Казбыкъ, находится «нѣсколько тысячъ» подземныхъ могильниковъ съ входными отверстіями. Въ каждомъ изъ нихъ виднѣется много череповъ. Это мѣсто считается святымъ, и даже въ непогоду оно «бываетъ освѣщено солнцемъ»; кто туда попадетъ по смерти, тотъ будетъ счастливъ на томъ свѣтѣ.

Изъ врочихъ ингушскихъ боговъ-патроновъ я уже упоминалъ о Мяцхали; празднество въ честь этого «щцу» бываетъ во время покосовъ въ мѣсяцъ того-же наименованія, спустя три недѣли послѣ празднества Мятцели, котораго не нужно смѣшивать съ первымъ. Празднество происходитъ въ воскресенье около «эльгыца», находящагося между селеніями Мецхаль и Гаркой на горѣ. Имя этого «щцу» вошло въ языкъ какъ названіе мѣсяца. Кромѣ того, по рассказамъ стариковъ, около селенія Хули^{*)} находится церковь «Зодцохъ-ерда», выстроенная лѣтъ четыреста тому назадъ предкомъ нынѣшней осетинской фамиліи Дударовыхъ, впоследствии выселившагося въ Осетию.

Перехожу теперь къ самому замѣчательному памятнику старины— Тхаба-ерда (тха—двадцать, ба—сто, и ерда—духъ, святой). Всѣ писавшіе объ этомъ храмѣ слово Тхаба-ерда переводятъ такъ: «двѣ тысячи святыхъ».^{**)} Когда я сообщилъ объ этомъ старику Казбыку, то онъ улыбнулся и сказалъ, что это невѣрно, а что нужно переводить такъ: «Святой двухъ тысячъ», жившихъ вокругъ церкви, составлявшихъ одинъ приходъ. Это святилище пользуется огромнымъ почетомъ у чеченцевъ. По свидѣтельству писателей, горецъ, завидѣвъ издали храмъ, падалъ ницъ и не осмѣливался войти въ него; близъ него мѣстные жители оставляли безъ всякаго присмотра хлѣбъ, сѣно и проч., будучи увѣрены, что никто не осмѣлится похитить предметы, находящіеся подъ покровительствомъ святилища.

По словамъ Миллера, къ церкви собирались жители окружающихъ ауловъ одинъ разъ въ годъ на красную горку. Они варили пиво, рѣзали скоть и просили у «ерда» урожая, держа шапки подъ мышками. Въ настоящее время молодое

---

^{*)} Подъ названіемъ Хули существуетъ два селенія: Верхнее Хули и Нижнее Хули.

Ред.

^{**)} См. гл. I настоящего очерка.

поколѣніе смотритъ на прежніе обряды, какъ на идолопоклонство, и древняя церковь постепенно разрушается. Но раньше Тхаба-ерда играло въ жизни ингушей весьма важную роль. Тамъ они просили покровительства боговъ, нерѣдко оно служило мѣстомъ суда божьяго, его именемъ клялись. Туда-же сходилпсь жители сосѣднихъ обществъ для рѣшенія дѣлъ самыхъ серьезныхъ, общественныхъ, имѣющихъ внутренній или внѣшній интересъ для цѣлаго народа. Вотъ что рассказывали мнѣ старики объ одномъ изъ такихъ собраній. «Давно еще у Тхаба-ерда собрались ингуши всѣхъ горныхъ обществъ и, желая прекратить вражду и беспорядки, рѣшили избрать себѣ князя. Выборъ палъ на Дзига Газдаева, жителя селенія Кекели(?), Хамхинскаго общества. Но онъ долго неявлялся на собраніе. Его всѣ ждали, такъ какъ онъ былъ чело-вѣкъ высоко одаренный, почти святой. Наконецъ, онъ является въ лучшемъ одѣяніи, но подпоясанный не серебрянымъ поясомъ, а веревкой изъ ослиной шерсти (по другому варианту, ремнемъ изъ ослиной кожи съ болтающимися на немъ ослиными ушами). Ему объявили, что весь народъ избралъ его своимъ княземъ. — «Хорошо, я, пожалуй, согласенъ. Дѣло хорошее; для борьбы съ врагами будетъ хорошо соединиться вамъ подъ одною властью». Послѣ этихъ словъ жители, обративъ вниманіе на его поясъ, спросили, зачѣмъ онъ носить такой безобразный поясъ.—«Развѣ онъ не идетъ мнѣ»? спросилъ онъ. —«Нѣтъ, онъ не подходитъ къ твоей одеждѣ и къ тебѣ самому», отвѣтили жители.— «Такъ знайте-же, что какъ не идетъ мнѣ этотъ поясъ, такъ не подойдетъ для васъ, народъ ингушскій, какой-бы то ни было |глава или старшій. Мы всѣ равны и свободны и едва-ли ваше рѣшеніе примѣнимо къ намъ». Ингуши подумали и, рѣшивъ, что Дзига правъ, разошлпсь по домамъ.

Въ Акинскомъ обществѣ горной Чечни до сихъ поръ извѣстно лишь одно мѣсто поклоненія жителей этого общества. Это— святилище возлѣ селенія Галанчоджъ, посвященное богу Мизръ. По преданію, оно построено лѣтъ 400—500 тому назадъ. Ипполитовъ говоритъ, что это зданіе служило церковью и даже монастыремъ для чеченцевъ, ингушей, тушинъ и т. д.. Но проф. Миллеръ, посѣтившій его въ 1886 г., высказываетъ сомнѣніе насчетъ пригодности его для этой цѣли и считаетъ обыкновеннымъ языческимъ святилищемъ, куда ингуши ходили прежде молиться и совершать жертвоприношенія стоявшему тамъ идолу. На слѣды культуры, бывшей на этомъ мѣстѣ, указываетъ искусственно разведенная роща у озера. Эта роща и теперь еще считается неприкосновенной и никто не смѣетъ рубить ее.

Профессоръ Миллеръ упоминаетъ еще о каменномъ зданіи Тушоли, находящемся въ мѣстности Махде, Мецхальскаго общества. Самымъ священнымъ мѣстомъ считается уголь на восточной сторонѣ; сюда кладутъ пули, ставятъ восковыя свѣчи, сосуды съ пивомъ и т. п.. Каждое общество, прибавляетъ Миллеръ, повидимому, имѣло свой особый Тушоли. Конечно, тутъ

разумѣются зданія, а богъ Тушоли, которому они посвящены, былъ одинъ. Послѣ поклоненія Тушоли мѣстные жители ходили на гору Дэли-те (Дэли—Богъ, те—верхъ), на которой было нѣсколько священныхъ мѣсть, а самое священное наверху съ желѣзными крестами. Но что такое Тушоли, ни проф. Миллеръ, ни другіе писатели не выяснили. Какъ я узналъ отъ стариковъ, Тушоли—это святой или божество, признаваемое всѣми чеченцами безъ исключенія; это одинъ изъ главныхъ «щцу», имя котораго упоминается и въ клятвахъ и во всѣхъ молитвахъ, хотя бы чеченцы молились у другаго святилища. По его имени называется даже мѣсяць Тушоли-бутъ (апрѣль). Въ послѣднее воскресенье этого мѣсяца, называемое Тушоли-кириде, ежегодно совершается въ описанномъ святилищѣ особое религіозное празднество. Тушоли особенно почитается женщинами. Онѣ называютъ его «Дэла-ехъ-Тушоль», что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «Божье лицо Тушоль». Горные ингуши восточной половины (хамхинцы, цоринцы и акинцы) имѣли одно общее мѣсто для поклоненія Тушоли возлѣ селенія Картъ, Хамхинскаго общества; а жители западныхъ обществъ (Мецхальскаго и Джераховскаго), а также и плоскостные ингуши сходились къ святилищу между селеніями Обинь и Ляшги Мецхальскаго общества. Казбыкъ говоритъ, что въ святилищѣ Мецхальскаго общества прежде находилось нѣсколько шестовъ съ коло-кольчиками, посвященныхъ «щцу», а также голубь. У этого «щцу» женщины вымаливали сыновей. Самымъ большимъ почетомъ Тушоли пользовался у хамхинцевъ. Для него выстроены отличный эльгыць, при которомъ имѣется постоянный жрецъ. Приходящіе на поклоненіе жертвуютъ деньги, которыя идутъ на поправленіе дороги къ Тушоли и на угощеніе пришлыхъ гостей, считающихся на попеченіи у жреца. Въ «эльгыщѣ», говорятъ, иногда показывается свѣтъ, который посылаетъ «щцу»; тамъ-же находится отлитый изъ серебра идолъ женскаго пола съ опущенными руками, въ стоячемъ положеніи, величиною съ новорожденнаго ребенка; это—изображеніе Тушоли. Подъ глазами у идола слезы. Народъ говоритъ, что ее изнасиловалъ Хагырь-ерда (Скала-ерда), вслѣдствіе чего она заплакала. На поклоненіе идолу ходили больше всего женщины и дѣти; онѣ рѣзали жертвенныхъ животныхъ, готовили пиво, араку, лепешки. Жрецъ получалъ по двѣ печенки отъ барановъ, сердце, треть хлѣба и по одному ковшу араки. Женщины называли святого «золотымъ щцу» и говорили: «Худое мы будемъ откармливать для себя, а откормивши будемъ рѣзать тебѣ (въ жертву). Божье лицо, Тушоль, дай намъ благодать свою. Мы, почитая твой день, являемся къ тебѣ; дай намъ благополучіе, чтобы мы могли постоянно приходиться къ тебѣ. Сдѣлай такъ, чтобы неродившія родили дѣтей, а родившихся оставь въ живыхъ. Пошли намъ обильный урожай, пошли дождь масляный и солнце лѣкарственное».

Такимъ образомъ, Тушоли является преимущественно богомъ дѣторожденія или всякаго приплода вообще. Въ лицѣ этого бога, у котораго имѣется

изображеніе въ видѣ идола, мы встрѣчаемся у ингушей съ высшей формой языческаго божества, такъ какъ идолы, настоящіе идолы, а не фетиши, появляются у разныхъ народовъ лишь на высшей ступени развитія народной миѡлогіи^{*)}. Здѣсь мы имѣемъ антропоморфизацію божества, проявившуюся сверхъ того въ искусствѣ. Подобные идолы мужского и женскаго пола, но несравненно меньшихъ размѣровъ, были найдены и въ Аргунскомъ округѣ.^{**)}

---

^{*)} Пешель, Леббокъ, Тайлоръ и др.

^{**)} Сб. св. о кавк. горц., I. Ипполитовъ.

пантеонъ боговъ природы, изъ коихъ каждый управляетъ извѣстнымъ явленіемъ, будучи въ то-же время его олицетвореніемъ.

У всѣхъ народовъ наибольшимъ почетомъ пользуется богъ неба, грома и молніи; культъ солнца и луны менѣе развитъ, а нѣкоторыя явленія природы и вовсе остаются безъ поклоненія. Самый культъ боговъ природы существуетъ почти у всѣхъ народовъ параллельно съ культомъ народныхъ патроновъ. Какой изъ этихъ культовъ возникъ раньше, это вопросъ спорный и различными школами ученыхъ разрѣшается различно. Въ конечномъ своемъ развитіи та и другая категория сходятся во многихъ функціяхъ, но первоначально онѣ не только различаются между собою, но даже находятся въ антагонизмѣ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, у чеченцевъ культъ боговъ природы развитъ весьма слабо и первенствующее мѣсто принадлежитъ культу народныхъ патроновъ. Уже одно это обстоятельство служитъ затрудненіемъ къ описанію культа боговъ природы, потому что онъ позабытъ народомъ раньше культа предковъ. Однако въ чеченской миѡлогіи сохранились еще указанія на обоготвореніе горъ, озеръ, небесныхъ свѣтилъ и проч.

Отсутствіе морей и большихъ рѣкъ въ землѣ чеченцевъ не могло способствовать возникновенію у нихъ культа богини моря. Но въ горной Чечнѣ, въ Аккинскомъ обществѣ, у сел. Галан-чоджъ, находится небольшое озеро; и вотъ при этомъ благоприятномъ условіи у чеченцевъ немедленно возникаетъ представленіе о духѣ озера, котораго они высоко чтутъ. Поэтической миѡ о возникновеніи озера Галанчоджъ и культа духа озера записанъ В. Миллеромъ. Близъ аула Ялхарой, говоритъ преданіе, въ мѣстѣ, называемомъ Амка, было прежде озеро. Однажды мать съ дочерью отправились на берегъ его и по неразумію стали мыть грязныя пеленки въ его хрустальной водѣ. Разгнѣванный духъ озера обратилъ за это обѣихъ женщинъ въ камни, которые и теперь еще виднѣются у Амка. Но и озеро не хотѣло оставаться въ оскверненномъ ложѣ. Оно обратилось въ чуднаго рослаго быка, который перешелъ скалистый кряжъ, оставивъ слѣдъ въ видѣ громадной выемки, и спустился внизъ почти съ отвѣсной высоты. Затѣмъ быкъ подошелъ къ тому мѣсту гдѣ теперь лежитъ озеро и гдѣ прежде были расположены пахатныя участки. Мѣстные жители запрягли его въ плугъ. Когда онъ вель первую борозду,—въ ней выступила грязь; при второй—стало еще мокрѣе; при третьей—изъ земли выступила вода, при четвертой бороздѣ—вода хлынула стремительно, затопила поле и всѣхъ людей. Быкъ исчезъ въ волнахъ озера. Съ тѣхъ поръ появившееся внезапно озеро внушаетъ суевѣрный страхъ туземцамъ: они считаютъ его бездоннымъ и не пьютъ его воду.

Въ журчащихъ горныхъ ручейкахъ обитаетъ духъ Хинана (мать воды). Про нее ингуши рассказываютъ, что разъ какъ-то она погналась за нартъ-орштхойцами, когда послѣдніе возвращались съ охоты; но одинъ изъ нихъ въ

борьбѣ съ нею успѣлъ ее изнасиловать и она, какъ нечистая, не могла болѣе преслѣдовать ихъ и возвратилась къ себѣ въ воду. Хинана сопутствуетъ людямъ и предупреждаетъ ихъ о бѣдствіяхъ. Являясь въ обществѣ, которое должно постигнуть несчастье, она горько плачетъ и тоскливо поетъ пѣсни, похожія на причитанія надъ умершими. Чеченцы рассказываютъ, что за четыре мѣсяца до взятія русскими одного аула въ 1851 году, Хинана явилась въ этотъ аулъ и предсказала его паденіе.

Въ лѣсахъ обитаюгъ лѣсные духи—алмаасы. Алмаасы бываютъ мужскаго и женскаго пола. Мужчины покрыты волосами, страшнаго вида, свирѣпы и коварны; на груди у нихъ находится острый топоръ. Лѣсиыя женщины отличаются необыкновенной красотой; роскошные волосы ихъ доходятъ до самыхъ пятокъ и имѣютъ золотисто-серебристый цвѣтъ.^{*)} Но по характеру онѣ также злы, коварны и опасны, какъ и лѣсные мужчины. Жители Шатоевскаго общества представляютъ лѣсныхъ женщинъ страшными созданіями огромнаго роста съ огромными грудями, перекинутыми черезъ плечи за спину, и съ длинною, до земли, густою рыжею косою. Любимое ихъ занятіе—пляска; закинувъ груди на спину, поднявъ руки вверхъ, онѣ пляшутъ при лунномъ свѣтѣ.^{**)} Приведу рассказы чеченцевъ объ алмаасахъ, мужчинахъ и женщинахъ, записанные мною со словъ старика Ганыжа.

Одинъ охотникъ пошелъ въ лѣсъ и повстрѣчался съ алмасомъ, у котораго на груди былъ топоръ остриемъ наружу. Онъ присоединился къ охотнику и хотѣлъ ночью убить его. Охотникъ зналъ это и сталъ думать, какъ-бы спасти себя. Наконецъ онъ говоритъ алмасу: «Я хочу пить». Алмасъ отвѣчаетъ: «Если хочешь пить, тутъ по близости есть вода; иди напейся». — «Охъ, я не знаю, гдѣ вода, и боюсь пойти». — «Хорошо, если такъ, я пойду и принесу тебѣ воды. Но только ты скажи, какъ тебя зовутъ, чтобы я могъ окликнуть тебя, если потеряю». — Охотникъ отвѣчаетъ: «Зовутъ меня—Я самъ себя». Когда алмасъ пошелъ за водой, охотникъ прикрылъ лежавшій тутъ-же чинаръ своей буркой, подъ бурку положилъ чурбанъ, залѣзъ на дерево и сталъ ожидать, что будетъ дальше. Алмасъ возвращается съ водою и, подойдя къ чинару, говоритъ: «Хорошо ты сдѣлалъ, что самъ приготовился». Отъ радости онъ такъ сильно бросился на чинаръ, что топоръ на его груди весь вонзился въ дерево. Пока онъ старался освободиться, охотникъ прицѣлился и ранилъ его. Алмасъ страшно заревѣлъ; на его крикъ сбѣжалось все, что было на свѣтѣ,—и звѣри, и птицы, и трава; всѣ окружили его и стали спрашивать, кто его ранилъ. «Я самъ себя!» — «Ну, если ты самъ себя убилъ, то что мы можемъ сдѣлать?» сказали собравшіеся и ушли прочь, а алмасъ умеръ.

Другой рассказъ посвященъ лѣсной женщинѣ.

---

*) Ахріевъ, Сб. св. о К. г., VIII.

**) Сб. св. о Тер. об., 254.

Съ одной алмасъ былъ знакомъ Чопа Борганъ. Послѣ того какъ онъ имѣлъ съ нею сношеніе, онъ никогда на охотѣ не дѣлалъ промаховъ. Алмасъ какъ-то говорить ему: «Если-бы я захотѣла, ты бы не убилъ ни одного звѣря».—«А развѣ до сихъ поръ я убивалъ благодаря тебѣ?» спросилъ Чопа. — «Хорошо, отвѣтила она. Вотъ пойдика завтра на охоту; посмотримъ, сколько ты убьешь». Чопа на слѣдующій день пошелъ на охоту, сдѣлалъ двадцать одинъ выстрѣлъ и ни въ одного звѣря не попалъ. Когда онъ, повѣсивъ ружье за плечо, возвращался домой, къ нему навстрѣчу вышла алмасъ и спросила: «Куда ходилъ, что дѣлаешь здѣсь?» — «Ходилъ по своимъ дѣламъ», отвѣтилъ онъ.—«Навѣрное ты ходилъ на охоту. Сегодня раздавались въ лѣсу выстрѣлы». Онъ началъ разувѣрять ее, но она сказала: «Ты меня не разувѣришь. Вотъ всѣ твои двадцать одна пуля», —и отдала ему его пули.

Однажды Чопа находился въ лѣсу. Вечеромъ онъ развелъ костеръ и легъ отдыхать, Надъ нимъ по воздуху пролетѣло что-то бѣлое и потомъ стало опускаться на костеръ. Чопа отскочилъ на нѣсколько шаговъ и, не говоря ни слова, выстрѣлилъ изъ ружья. Видѣніе ахнуло и скрылось. Это, оказалось, былъ алмасъ, братъ любовницы Чопы; онъ прилеталъ, чтобы повидаться и познакомиться съ своимъ зятемъ. Братъ убитаго алмаса отомстилъ за его кровь и убилъ Чопу. Въ комнату, гдѣ лежалъ трупъ Чопы, прилетѣла алмасъ, его любовница, съ двумя дочерьми. Онѣ, оплакавъ трупъ, вымыли его и надѣли на него такой саванъ, какого еще никто не видѣлъ. Въ заключеніе онѣ сказали: — «Дай Богъ, чтобы въ мѣстности, гдѣ жилъ этотъ человѣкъ, никогда не было урожая!» Съ тѣхъ поръ въ той мѣстности не было урожая.

Кромѣ алмасовъ, чеченцы вѣрятъ еще въ убура. Это — злой и кровожадный духъ, вошедшій въ какое нибудь животное (вампирь).

Вершина Казбека, по вѣрованію чеченцевъ, была мѣстопробываніемъ богини вьюгъ—Дардза-нянилькъ (буквально—мать вьюгъ).*) Она имѣла семерыхъ сыновей, которые покинули ее и ушли на небо; это - Большая Медвѣдица, которая называется Дардза-куангизъ (вьюгины сыновья). Сама она сидитъ на снѣжной вершинѣ Казбека (по-чеченски Вешламъ-кортъ). У нея постоянно горятъ три головни дерева. Она имѣетъ неистощимый хлѣбъ и такую-же вареную ляжку барана; сѣденное богиней снова возобновляется. Г. Висковатовъ, со словъ ингуша-охотника Цоголя, говоритъ, что богиня начертала на снѣжномъ конусѣ Казбека волшебный кругъ, чрезъ который ни одинъ смертный не осмѣливается перешагнуть подъ страхомъ, что богиня сброситъ смѣльчака въ пропасть и завалитъ его ледяной горой. Когда Цоголь

---

*) Инженеръ Висковатовъ, работавшій на Казбекѣ во время заваловъ 1864 г., называетъ этого бога Мяшинень, т. е. Горный духъ, но Казбыкъ настаиваетъ на приведенномъ мною названіи.

поднялся во владѣнія богини и хотѣлъ похитить тура, она сбросила на него груды камней и снѣга, от которой однако онъ какимъ то чудомъ спасся. Всѣ казбекскіе завалы ингуши приписываютъ злой богинѣ. Самой ея никто не видѣлъ, но многіе слышали ея пѣтушиный крикъ, которымъ она пугаетъ людей, дерзающихъ приближаться къ волшебному кругу. Въ честь этой богини въ Девдоракскомъ ущельѣ устроенъ особый жертвенникъ (даба). Лѣтомъ здѣсь устраиваются празднества съ жертвоприношеніями, пѣніемъ и пляской. Вообще Казбекъ является центромъ мифологіи мѣстныхъ жителей, но легенды ихъ не представляютъ особеннаго интереса, такъ какъ онѣ заимствованы у другихъ народовъ. Самыя извѣстныя легенды представляютъ собою пересказъ преданія о всемірномъ потопѣ, гдѣ Казбекъ замѣняетъ собою гору Араратъ, о Прометѣѣ, похитившемъ съ неба огонь, и т. п, съ незначительными измѣненіями.

Большимъ уваженіемъ пользуется у чеченцевъ одноглазый богъ Елта,^{**)} покровитель охотниковъ, царящій надъ лѣсами и дикими звѣрями. Удача на охотѣ всецѣло зависитъ отъ Елты. Поэтому всякій охотникъ послѣ охоты приноситъ ему въ жертву рога убитаго звѣря. У каждаго звѣря есть тавро Елты. «Я самъ убилъ тринадцать штукъ туровъ, говорилъ мнѣ Ганыжъ, и уши у нихъ были мѣчены Елтою. У насъ былъ одинъ охотникъ, Итырь Этіевъ; онъ убивалъ безсчетное число звѣрей. Однажды онъ отправился на охоту, убилъ тура, содралъ шкуру, повѣсилъ ее на вѣтку и сѣлъ отдыхать. Въ это время онъ услышалъ голосъ: «Я послалъ къ тебѣ свой скотъ помолотить твой хлѣбъ, а ты одной штуки не прислалъ мнѣ обратно». Другой голосъ съ противоположной скалы отвѣчалъ:—«Ты прислалъ ко мнѣ три штуки, и всѣхъ ихъ я отправилъ обратно къ тебѣ». Первый возразилъ: «Ихъ было три, а я получилъ только двѣ, одной нѣтъ»—«Тамъ былъ Итырь, замѣтилъ второй голосъ. Навѣрное онъ остановилъ одного тура».— «Пусть его потомки не будутъ такими хорошими, какъ самъ онъ!» воскликнулъ первый. Съ тѣхъ поръ Этіевы были бѣдны и жалки; если у нихъ были ногавицы, то не было чевякъ; а если были чевяки, то не бывало ногавицъ. Внутри рога убитаго тура Итырь нашель три хлѣбныхъ зерна (символь Елты) и съ тѣхъ поръ до конца жизни не стрѣлялъ туровъ».

Въ старину жилъ нѣкій Начхо. Во время охоты онъ завидѣлъ пасущихся оленей, между которыми былъ одинъ красивый бѣлый олень. Пораженный Начхо поспѣшилъ прицѣлиться въ этого оленя; но въ тотъ самый моментъ, какъ онъ хотѣлъ уже спустить курокъ, онъ ослѣпъ на оба глаза и не могъ выстрѣ-

---

^{**)} Слово елта означаетъ хлѣбъ, хлѣбное зерно. Раньше богъ Елта исполнялъ параллельно 2 функціи—бога урожаяевъ и охоты, но затѣмъ, когда главнымъ патрономъ земледѣлія сталъ Мятцели, функціи Елты специализировались на охотѣ. У осетинъ ему соотвѣтствуетъ Авсати.

лить. Это былъ самъ Елта, наблюдавшій за своимъ стадомъ. Мѣсто это и теперь еще называется «мѣсто, гдѣ ослѣпъ Начхо».

Изъ этихъ любопытныхъ разсказовъ мы видимъ, что Елта царить надъ особымъ міромъ, подобнымъ человѣческому обществу, съ такими-же занятіями и жизнью. Вообще говоря, Елта - божество благодѣтельное и всегда стоитъ на сторонѣ людей хорошихъ, помогая имъ въ охотѣ и покровительствуя нуждающимся.

Сабеизмъ (поклоненіе свѣтиламъ небеснымъ) также извѣстенъ чеченцамъ. Правда, культъ ихъ мало развился, но это объясняется весьма просто тѣмъ, что свѣтила небесныя всегда къ человѣку одинаково милостивы, добры и не нуждаются въ жертвоприношеніяхъ. Почти у всѣхъ народовъ^{*)} наибольшимъ почитаніемъ пользуется всеоживляющее солнце, этотъ источникъ тепла, свѣта и жизни всей природы. Человѣкъ рано чувствуетъ свою зависимость отъ него, радуется, когда оно сіяетъ, и печалится, когда оно прячется. Чеченцы также высоко чтутъ солнце. Оно играетъ большую роль почти во всѣхъ празднествахъ въ честь другихъ боговъ; всѣ молельни обращены у нихъ къ солнцу, на востокъ, молящіяся смотрятъ также на востокъ; съ высоты г. Будурь-лама они съ благоговѣніемъ наблюдаютъ, какъ вдали выходитъ божественное солнце, величиною въ цѣлый городъ. Даже всѣ сакли чеченцы стараются строить фасадомъ на востокъ, такъ какъ, по словамъ Ганыжа, больше всего пользы человѣку приносить солнце. Когда оно восходитъ, всѣ возносятъ хвалы ему и молятъ: «Божье солнце (Дэла-молхъ), принеси намъ благодать свою». Оно, какъ источникъ жизни, является свѣтиломъ живыхъ, тогда какъ луна—свѣтило мертвыхъ.

Луна пользуется меньшимъ уваженіемъ, тѣмъ не менѣе и она, какъ братъ солнца, считается божествомъ. Солнце и луна антропоморфизируются чеченцами. У солнца и луны есть матери; мать солнца зовутъ Азой, а мать луны—Кинчъ. Солнце, говорятъ чеченцы, утромъ выходитъ изъ моря и вечеромъ вновь въ него погружается; когда оно поднимается на горизонтѣ, то отъ него отдѣляется что-то черное; это, говоритъ народъ, морская вода стекаетъ съ солнца. Въ это, время на него можно смотрѣть, потому что, выкупавшись въ холодномъ морѣ, оно не успѣваетъ накалиться. Два раза въ году бываетъ равноденствіе: лѣтомъ и зимою. Въ это время солнце гоститъ дома у своей матери; зимою оно гоститъ трое сутокъ, а лѣтомъ три недѣли. Выйдя изъ дому, солнце шесть мѣсяцевъ путешествуетъ, затѣмъ возвращается домой и снова пускается въ шестимѣсячное путешествіе. Хотя солнце и луна отъ разныхъ матерей, но они считаются братьями. У нихъ есть злая сестра Можъ, которая сожрала всѣхъ своихъ родственниковъ на небѣ и теперь постоянно гоняется за

---

^{*)} У немногихъ народовъ солнце считается божествомъ злымъ, обыкновенно въ жаркихъ странахъ.

солнцемъ и луною. Когда она догоняетъ ихъ и заслоняетъ собою, происходитъ затменіе. Можь отпускаетъ луну и солнце только въ томъ случаѣ, если ее будетъ просить перворожденная невинная дѣвушка. Во время затменія, на лунѣ виднѣется что-то въ родѣ черной нитки: это, говорятъ, ружье караульщика, который оберегаетъ луну отъ нападенія сестры. Черное пятно посрединѣ луны - это лошадь, которую носить на себѣ луна. Когда пасть у этой лошади расширится, то лѣто будетъ короткое, а зима продолжительная; когда же пасть уменьшится и сама лошадь потемнѣетъ, то лѣто будетъ долгое и дождливое, а зима короткая.

Звѣзды и другія планеты не пользуются особымъ почитаніемъ, но всѣ онѣ также одухотворяются чеченцами. Мы уже упоминали о вѣрованіи, по которому Большую Медвѣдицу составляютъ семь сыновей богини вьюгъ. На небѣ, по словамъ Ганыжа, есть пять звѣздъ, называемыхъ Астхи-сагъ, т. е. хромой человѣкъ; двѣ изъ нихъ расположены по краямъ, одна посрединѣ немного выше ихъ, а другія двѣ подъ ними, одна ниже другой. Извѣстны также созвѣздія: Джикарта, или Базъ(хлѣвъ) баранты, образующее правильную окружность, и Кнукогъ, или треугольникъ. Полярная звѣзда называется Кулбисъ-етха, т. е. «указывающая на югъ»; если стать къ ней спиною, то впереди будетъ югъ. Утренняя звѣзда называется Окри-сетха. Три звѣзды—одна красная, другая темная и третья средняго свѣта, называются Солса-гебаге, т. е. копье Солсы.^{*)} Двѣ близкосоприкасающіяся звѣзды называются Дурди оражъ, т. е. яйца Дурди.

Когда падала звѣзда, то въ старину говорили, что звѣзда вышла замужъ. Въ горахъ находятъ особые камни, называемые упавшими звѣздами, и осколки ихъ, называемые осколками звѣзды. Это - хрусталь. Комета, (Цог-до-сетга, или звѣзда съ хвостомъ) предвѣщаетъ болѣзнь, или войпу, или рожденіе знаменитаго человѣка; другіе говорятъ, что это - лошадь Али (иначе Муртазали-Пайхмаръ), который долженъ нѣкогда явиться на землю и избить всѣхъ немусульманъ; но это представленіе о кометѣ позднѣйшаго происхожденія.

Изъ другихъ боговъ природы можно указать еще на Мать вѣтровъ. По повелѣнію Бога, она поднимаетъ страшную бурю и разноситъ добро согрѣшившихъ смертныхъ. Вѣтры въ горахъ имѣютъ большое значеніе. Ингуши обоготворяютъ ихъ, и въ рабочую пору, еженедѣльно, въ понедѣльникъ, день посвященный вѣтрамъ, прекращаютъ всякую работу; въ противномъ случаѣ, весь хлѣбъ или скошенное сѣно разнесетъ вѣтромъ.

Культъ боговъ природы со всею силою и полнотою развился у чеченцевъ въ

---

^{*)} Сеско-Солса—главный нартъ чеченцевъ, котораго Богъ надѣлилъ неземными качествами. Онъ, по преданію, былъ сыномъ Божиимъ и непосредственно отъ него произошелъ. Г. Ахріевъ полагаетъ, что это—Иисусъ Христосъ.

почитаніи бога неба, или грома и молніи. Громовержець Сели^{**)} и до настоящаго времени остается могущественнѣйшимъ и наиболѣе почитаемымъ богомъ изъ всѣхъ боговъ чеченцевъ. Въ горахъ Кавказа, странѣ грозъ, этотъ богъ нашель для себя подходящую почву. Онъ представляется человѣкоподобнымъ богомъ, отдѣленнымъ отъ самаго явленія природы. Это самый страшный богъ, но въ то-же время онъ справедливъ и караетъ лишь тѣхъ, кто заслуживаетъ этого. Отсюда та громадная роль, какая принадлежитъ Сели въ дѣлѣ руководства народной нравственностью. Онъ является карателемъ всякаго, кто совершилъ или намѣренъ совершить преступное, недоброе дѣло, по мнѣнію народа; это—самый справедливый судья, называемый чеченцами «золотою силою». Его одинаково почитаютъ всѣ чеченцы, даже всѣ жители Кавказскихъ горъ (конечно подъ различными наименованіями). Этимъ самымъ онъ стоитъ цѣлою головою выше прочихъ боговъ—патроновъ, культъ которыхъ рѣдко переходитъ за предѣлы одного племени и часто ограничивается однимъ ауломъ. Какъ богъ огня, онъ передалъ свое имя радугѣ (Сели-атъ, т. е. лукъ Сели) и молніи (Сели-хашкъ, т. е. головешка Сели). Убитаго молніей считаютъ блаженнымъ. По вѣрованію ингушей, если оплакивать такого покойника, то цвѣтъ трупа его измѣнится: изъ бѣлаго онъ сдѣлается чернымъ^{*)}. Мѣсто, гдѣ убитъ молніей человѣкъ и даже животное, считается священнымъ, и туда ежегодно отправляются совершать жертвоприношенія могущественному Сели. Похороны убитаго молніей отличаются отъ обыкновенныхъ похоронъ. Вотъ что объ этомъ рассказывалъ мнѣ Ганыжъ: «Нѣкто Аушъ убилъ по незнанію переодѣтую въ мужской костюмъ дѣвушку. Убить дѣвушку считается большимъ позоромъ для мужчины и Сели никогда не оставитъ безнаказаннымъ такого поступка. Аушъ вскорѣ послѣ того былъ убитъ молніей. Родные привезли его тѣло домой, построили ему «эльгыць», поставили скамейку и посадили на нее покойника въ полномъ вооруженіи, въ панцырѣ и латахъ. Передъ нимъ на столикѣ поставили блюдо съ цѣльнымъ сваренымъ бараиомъ и бутылку араки, а у лѣвой руки положили для него балалайку. Этотъ «эльгыць» находится въ Хамхинскомъ обществѣ и теперь еще въ немъ сидитъ Аушъ».—О древности культа этого бога можно судить и потому, что сказанія о немъ восходятъ до временъ аборигеновъ нынѣшней Чечни, могущественныхъ нартъ-орштхойцевъ. Эти люди обладали божескими качествами и вели борьбу со всѣми богами. Особенно между ними выдѣлялся по своей силѣ и могуществу Сеска-Солса, глава орштхойцевъ, причисляемый ингушами къ числу святыхъ.

По преданію, рассказанному мнѣ Ганыжемъ, у орштхойцевъ была одна

---

^{**)} Ему у осетинъ соотвѣтствуетъ Уацилла, и, по всей вѣроятности, оба эти слова произошли отъ слова Илія.

^{*)} Сб. св. о кавк. горц., V, Ахріевъ, стр. 15 и слѣд.

дѣвушка, которую Богъ создалъ такую красавицей, какую только могъ. Никто изъ орштхойцевъ не могъ жениться на ней, потому что ни одинъ не хотѣлъ уступить ее другому. Сели небесный тоже хотѣлъ добратся до нея, но боялся Сеска-Солсу. Приходить, наконецъ, смертный часъ этой дѣвушки. Умирая, она сказала окружающимъ: «Караульте мою могилу три ночи. Если будете караулить, Сели до меня не доберется, а послѣ трехъ ночей трупъ мой будетъ распространять запахъ мертвеца, и Сели не подойдетъ къ нему. Если-же вы не будете караулить, то Сели придетъ ко-мнѣ и осквернитъ мою могилу». Послѣ этихъ словъ она скончалась. Ее похоронили и Сеска-Солса три ночи подъ рядъ самъ караулил могилу ея. Но на третью ночь подъ самое утро онъ задремалъ. Сели воспользовался этой минутой, пришелъ, открылъ могилу и осквернилъ трупъ дѣвушки. Она тотчасъ-же родила отъ него дочь. Когда Сели собирался уже уходить, Сеска-Солса проснулся, схватилъ свой лукъ и ранилъ убѣгавшаго Сели. Въ эту рану у Сели, говорятъ ингуши, выползаютъ кишки и урчаніе ихъ производитъ громъ. Сеска-Солса взялъ дочь Сели и принесъ ее домой. Орштхойцы назвали ее Сели-Са-той (Сата—дочь Сели). Она вышла вдвое красивѣе своей матери. «Не помню, говоритъ Ганыжъ, за кого она вышла замужъ, но это былъ человекъ, жившій на небѣ вмѣстѣ съ Сели». Млечный Путь, называемый чатикаде-моть, или «мѣстомъ, по которому пронесена солома», образовался оттого, что Сели-Сата по этому пути несла солому для брачной постели. Когда она уходила изъ дому за соломой, она приготовила изъ тѣста треугольный хлѣбъ и положила его въ горячую золу съ угольками, чтобы онъ спекся; пока она успѣла возвратиться, два угла этого хлѣба сгорѣли, а одинъ остался цѣль. На небѣ теперь находятся три звѣзды, образующія треугольникъ: одна звѣзда свѣтлая, а двѣ другія—темныя; онѣ называются Сати-боджль (или треугольный хлѣбъ Саты); плоскостные ингуши называютъ ихъ просто «ко-когъ», или треугольникомъ. Сата считается покровительницей дѣвушекъ. Ингушескія невѣсты говорятъ: «Если въ день моего замужества провозгласитъ мое здоровье и пожелаетъ мнѣ благополучія Сата, то у меня ножницы будутъ золотыя, а игла серебряная; если-же провозгласитъ здоровье джинъ, то я погибла».

Ч. Ахріевъ упоминаетъ еще о богѣ времени—Периска (воскресенье), но я не нашелъ слѣдовъ этого вѣрованія. Гораздо важнѣе для насъ кое-какія свѣдѣнія, имѣющіяся о богѣ подземнаго царства Эштрѣ (Этерѣ). Ингуши называютъ его Дэла-Эштрѣ, поклоняются ему и приносятъ жертвы, такъ какъ для всякаго важно заручиться его расположеніемъ; отъ него зависитъ и земное, и загробное существованіе человека, который умираетъ лишь тогда, когда захочетъ этого Эштрѣ. Грѣшнаго человека онъ долго заставляетъ мучиться въ предсмертной агоніи: только молитвы и жертвоприношенія могутъ умиловить этого бога.

Послѣднею ступенью въ развитіи чеченскаго пантеона, вѣнцомъ ихъ народіой міеологіи, является Верховный или Высшій Богъ, царь всего творенія и отецъ всѣхъ прочихъ боговъ. Че-

